

В восьмом номере «Нашего современника» за 2021 год вышло интервью Анны Жучковой «Метамодернизм: признать право “Другого”... быть», ставшее итогом ее выступления на критическом симпозиуме Совещания молодых литераторов в Химках. Метамодернизм Жучковой определяет как следующую после постмодернизма ступень развития литературы (а в каком-то смысле и общества): «Если истина Другого отменяет мою, значит, истины нет вообще, учил постмодерн. Но метамодернизм решает эту проблему. Не отрицая вариативность и субъективность истины, он возвращает каждому полноту обладания ею. Сколько “я”, столько и истин».

По сути, это модель «многополярного» мира, в котором полифонично сосуществуют несколько «точек серьезности» (в отличие от постмодернистской модели, где глобальная серьезность вообще невозможна). Каждая такая точка может обладать собственной концепцией бытия и законно уживаться с другими. Весь опыт прошлого, в том числе постмодернизма (постирония, постправда и т. д.), также признается законным и входит в «новый мир» как его важная, но не определяющая часть (как, собственно, и входит осмысленный опыт в жизнь любого человека).

Как это должно работать в сфере организации литературного процесса, в целом понятно. Литературный мир сейчас хаотичен, в нем отсутствует согласие по самым базовым категориям (недавние жаркие споры по поводу вручения

премии «Поэзия» вспыхнули именно потому, что участники под «поэзией» понимали разные вещи). И в этом смысле все литературные журналы, независимо от общественных и эстетических позиций, являются естественными союзниками в деле создания общего профессионального поля. И потому так полезны «точки» сборки (ЛКС, «Липки», «Химки»), где в процессе диалога может постепенно кристаллизоваться новая картина литературы. При всей дикости современного литературного процесса эта идея не выглядит утопичной, потому что для ее реализации достаточно лишь воли нескольких десятков профессионалов.

Как метамодернизм по Жучковой должен воплощаться в общественной жизни, тоже в общем-то ясно: отказавшись от борьбы за власть, либералы и сталинисты, прививочники и антипрививочники должны признать право Другого на существование и строить общее пространство взаимного уважения, принципы устройства которого обретаются в «колебании между противоположностями». Это прекраснотушие, конечно, но и демократия как принцип – прекраснотушие, однако с горем пополам где-то даже работает.

Но это все – сферы организации, где пафос принципа может и должен быть первичнее готовых форм бытования. Литература же – предмет конкретный. Здесь нельзя изучать то, чего нет. А ведущий принцип, хоть и существует в душе писателя, и в каком-то смысле управляет творческим процессом, но миру является не в декларации, а в реально существующем художественном произведении.

Вместо тысячи слов по поводу метамодернизма нужно на самом деле лишь одно – текст, органично воплотивший его философию. Нет нужды манифестировать поток сознания, если перед тобой «Навсикая» или «Пенелопа»; вместо обоснования интертекстуальной

игры достаточно предъявить «Быков Солнца»; а тысячи страниц о постмодернизме сжечь, оставив «Итаку». Сто лет назад роман Джойса предсказал литературные метания XX века. Вот так и метамодернизм, если это не абстрактный конструкт (какие повсеместно провозглашаются и мгновенно умирают), у него должно быть (или появиться вскоре) полноценное художественное доказательство.

В своем интервью Анна Жучкова выделяет дихотомии, диалектический синтез которых характерен для метамодернистского пространства литературы. Одна из дихотомий: автофикшн (правда внутреннего «я», движения душевной жизни, которые могут открыться только в «коммуникативном событии», встрече читателя с текстом) и мифопроза (большой нарратив, универсальная концепция).

Каждая из двух альтернатив охарактеризована коротким, но чрезвычайно насыщенным по мысли абзацем, провоцирующим на разговор. И я бы с радостью ответил на «вызов» Жучковой: поговорил бы об авторитарности современных «коммуникативных техник», принуждающих читателя к той или иной эмоциональной реакции в акте коммуникации (вместо чаемой «свободной» встречи). Или о мифе как о метафизических костылях мира, из которого исчезли «настоящие» большие нарративы (смотри, скажем, эссе Элиота о том же «Улиссе»). В общем, с удовольствием вел бы конструктивную полемику (и это было бы очень в духе метамодернизма), тем более что разговор со стороны Жучковой не абстрактный – по каждой альтернативе в интервью даются ряды конкретных текстов.

Но проблема в том, что для начала разговора о метамодернистском тексте это должны быть не два разных ряда, а один.

Художественное доказательство существования нового направления только тогда адекватно, когда органично совмещает в себе автофикшн и мифопрозу, то есть, как минимум, две оптики: при ближайшем рассмотрении видеть «мерцание» героя и правду «неуловимого» внутреннего «я», а при отдалении «камеры» обозревать большой нарратив мифопрозы. И пока хотя бы одного такого текста нет – говорить, по сути, не о чем.

Вместо разработки дихотомий (или вместе с ней), мне кажется важным изучать возможность полноценного соединения оптик (или хотя бы «разных правд»), где каждая остается автономной и в то же время системной для произведения и каждая претендует на серьезность. А это сейчас, скорее, «Игра престолов» Джорджа Мартина или на материале русской прозы – «Тобол» Алексея Иванова.

Чаемое метамодернизмом смешение контекстов хорошо видно, скажем, при анализе мистического пласта в «Тоболе». У Иванова и языческие духи, заклиняемые остячкой Айкони, и бог неистовых старообрядцев, и православный Бог – все закономерно существуют в меру веры их «адептов» (и здесь интересно заметить, как в «Тоболе» появляется православная мистика: в большей части романа она «молчит», оставляя верующих действовать, опираясь исключительно на «человеческие» качества, и лишь во второй книге властно вторгается в сцене благословения солдат владыкой Иоанном – вот так эпически и должен появляться в русских реалиях православный бог, таково естественное «функциональное свойство» Его как части большого, разнородного мира).

Конечно, полноценным «метамодернистским» романом «Тобол» не является – исторический материал XVIII века слишком затвердевший и никак не может

«мерцать». Но Иванов явно двигается в сторону полноценного отражения атомизированного мира, в котором никакое явление нельзя описывать в общих категориях, а единственный способ выразить правду – сталкивать контексты. Пожалуй, в нем еще слишком мало воли к разнообразию не только правд, но и форм их выражения (как, скажем, в «Улиссе»). С другой стороны, читательское доверие к «резким» формальным экспериментам безнадежно подорвано, так что ожидаемый «метамодернистский» роман вряд ли будет так нарочито разнороден внешне (конечно, при принципиальной разнородности внутренней).

В общем, как и Анна Жучкова, я жду наступления метамодернизма, а значит, появления того самого «нового большого романа», который стал бы следующей ступенью в описании «реального».

А пока – верим и надеемся, что нам еще остается.